

бейших искривлений директив», например, «в с. Кочевом под руководством уполномоченного РК секретарем РК ВЛКСМ тов. Баяндиным съедено из печи мясо», «в Юксееве председатель с/совета унес часы для сельсовета. Там же съели масло, участниками были и комсомольцы, одна женщина начинала брать сито, говоря, что «у меня нет сита» и т.д.»¹⁶.

Местные власти часто поощряли полное изъятие продуктов у крестьян. В докладной записке следователя А. И. Александрова значится: «Характерная директива Уинскому РИКу дана Окрисполкомом от 1 марта 1930 г. за № 4-4, в коей пункт 4-й говорит: «Немедленно полностью возьмите мороженое и соленое мясо кулацких хозяйств, разверните шире общественную работу о запрещении потребления мяса крестьянством впредь до выполнения возложенного нашего плана заготовки» (подчеркнуто в документе. – А. С.). На основе данной директивы Уинским РИКом была дана директива на места»¹⁷.

В ряде случаев разгул экспроприаций сопровождался вакханалией арестов. Так, помощник уполномоченного I отделения Пермского окротдела ОГПУ А. П. Романов сообщает в своей докладной записке о ряде случаев произвольных арестов и выселений семей неуполномоченными лицами сразу после принятия решений о раскулачивании. В частности, сообщается, что «4-го февраля произошли массовые аресты всех лиц, намеченных к выселению. Всего арестовано было около 30 человек. Аресты производились уполномоченными РИКа по выселению, с/советами, милиционерами, сельисполнителями, вообще всеми, кому не лень, даже представителями колхозов... Со стороны РИКа и РК ВКП(б) никаких мер о выяснении причин ареста принято не было, а отсюда вывод, что эти организации с арестами были согласны»¹⁸.

Политическое руководство страны и регионов постепенно снижали степень стихийности развернувшейся с января 1930 г. ширококомандной кампании по «ликвидации кулачества». 15 января 1930 г. для разработки мероприятий этой кампании была создана специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством В. М. Молотова, которая подготовила совершенно секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», утвержденное 30 января. Согласно постановлению, в этих районах предполагалось запретить применение наемного труда, запретить аренду, конфисковать имущество у «кулаков», а их самих арестовать или выслать. Репрессивные меры дифференцировались в соответствии с разделением крестьян на три категории. Раскулаченных по первой категории («контрреволюционный кулацкий актив») следовало арестовывать и отправить в концлагеря, раскулаченных по второй категории («остальные элементы кулацкого актива») – выселять в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края, остальных «кулаков» (третья категория) оставить в своих районах, но на худших землях. На ОГПУ возлагалась обязанность в течение февраля–мая требовалось «направить в концлагеря 60.000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы – 150.000 кулаков». Кроме директив по организации выселения в постановлении предлагался комплекс мер по конфискации имущества раскулаченных. Совнаркому и другим органам советской власти предписывалось в 3–5-дневный срок принять законодательные нормы (как публичные, так и секретные) в соответствии с данным постановлением [Постановление..., 1994, с. 147–152].

Драконовский характер репрессий по отношению к раскулаченным по первой и второй категории очевиден. Заметим, что как арест и заключение в лагерь «кулаков первой категории», так и административное выселение семей раскулаченных являлись очевидным нарушением действовавших в то время законов, на что, естественно, не принято было обращать внимание. Но даже «смягченные» санкции в отношении раскулаченных по третьей категории нельзя назвать иначе как чрезвычайно жестокие. Людей, лишенных всего, фактически бросали на произвол судьбы.

«Сверху» «вниз» досылались на места подробные планы и инструкции по организации раскулачивания с указанием точного количества хозяйств, которые требовалось раскулачить. Подчеркивалась необходимость точного следования разнарядкам. После этого «кулаков» стали выявлять повсеместно, выполняя и перевыполняя определенные властными структурами планы.

В Постановлении бюро Уралобкома ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией» от 5 февраля 1930 г. конкретизировались директивы Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января. Намечалось ликвидировать 5 тыс. хозяйств крестьян, раскулаченных по первой категории, разверстать которые по округам края поручалось уральскому полпредству ОГПУ. К выселению по второй категории намечалось 15 тыс. хозяйств, которые были распределены по 12 из

15 округов края. Из округов, находящихся на территории современного Пермского края, разверстка касалась только Пермского округа, из которого планировалось выселить 900 хозяйств (точности ради укажем, что из Сарапульского округа, в который входили некоторые территории современного Пермского края, планировалось выселить 1100 хозяйств) [Раскулаченные..., 1993, с. 29–30]. Ни Кунгурский, ни Верхнекамский, ни Коми-Пермяцкий округа в постановлении не упоминались¹⁹. Примечательно, что бюро Уралобкома изначально устремилось к выполнению репрессивной разнарядки Политбюро, ориентируясь на высшие контрольные показатели, понимая, что именно такой подход больше устроит политическое руководство: в постановлении ПБ ЦК ВКП(б) от 30 января для Урала устанавливалось задание ликвидировать по первой категории 4–5 тыс. хозяйств, по второй – 10–15 тыс. Округление числа выселяемых (в десяти округах число выселяемых заканчивается двумя нулями) также приводит к определенным умозаключениям. Это яркое свидетельство нацеленности кампании по раскулачиванию не на борьбу с выявленным врагом, каким в данном случае представлялся «кулак», а на широкомасштабное социальное переустройство села.

В постановлении бюро Уралобкома ВКП(б) также даются подробные указания о порядке высылки и расселения «кулаков». В частности, повторяется рекомендация Политбюро о возможности проживания в прежних районах жительства членов семей выселяемых, которая практически не выполнялась, поскольку рекомендацию сопровождала иезуитская оговорка «при согласии местных райисполкомов», да и члены семьи обычно не стремились к разрушению ее. Кроме того, транслировались указания Политбюро по партийному руководству «ликвидацией кулачества» и конфискации имущества [Раскулаченные..., 1993, с. 29–30].

Директивы вышестоящих партийных инстанций в течение первой половины февраля по иерархическим «ступеням» спускалась вниз. До районов эти директивы в виде указаний местных партийных органов дошли в середине февраля. Например, инструктивное письмо секретаря Верхне-Камского окружкома ВКП(б) В. А. Казубовского секретарям райкомов партии о порядке проведения мероприятий по «ликвидации кулачества как класса» датировано 17 февраля 1930 г. В нем описывается подход к делению «кулаков» на категории, утвержденный постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. и конкретизируется содержание и порядок проведения мероприятий по «ликвидации кулаков» в Верхне-Камском округе. В частности, разъяснялось, что «кулаками 1-й категории» будут заниматься органы ОГПУ, которые самостоятельно установят их количество и проведут «операции». «Кулаков 2-й категории» за пределы области высылать не собирались, ограничившись перемещением на север округа. Определение их количества по районам закреплялось за окрисполкомом. Составление же списков выселяемых, равно как и списков расселяемых по 3-й категории, становилось прерогативой райисполкомов в районах сплошной коллективизации. Эти списки следовало составлять «на основе постановлений батрацко-бедняцких собраний и собраний колхозников» и посылать на утверждение окрисполкома²⁰.

Изложенный в инструктивном письме способ определения «кулаков» второй и третьей категорий демонстрирует подход к раскулачиванию как методу «социальной инженерии», а не к публично заявленной форме борьбы с врагом советской власти: крестьянские хозяйства становились «кулацкими» в соответствии с порайонной разверсткой. Объективные признаки предполагалось привязывать к конкретным хозяйствам уже потом: руководителям собраний бедняков или колхозников для выполнения этой разверстки необходимо было проявить свою креативность при проведении собраний либо, на худой конец, при составлении их протоколов.

Рассматриваемое инструктивное письмо также содержало подробные инструкции по конфискации «кулацкого» имущества. В частности, рекомендовалось оставлять семьям, выселяемым по второй категории, «лишь самые необходимые предметы дальнейшего обихода (белье, теплая одежда, постельные принадлежности, посуда), лесозаготовительный и строительный инструмент на каждого взрослого члена семьи», а также продовольствие на три месяца и деньги в размере не более 250 руб. на семью. На время следования до места расселения оставлялась лошадь, которую далее забирала комендатура. За расселяемыми по третьей категории (внутри районов на худшие земли) предписывалось сохранять «минимум с/хозяйственного живого и мертвого инвентаря, часть строений и домашние вещи для ведения хозяйства на новых участках». Определялось, что «места для расселения кулаков внутри районов (по 3-й категории) отводятся окрисполкомами и расселение их производится небольшими поселками, управление которых осуществляется специальным комитетом (тройками) или уполномоченными, назначаемыми райисполкомами и утверждаемыми окри-

сполкомами». С особой скрупулезностью оговаривались способы воспрепятствовать «кулакам» воспользоваться принадлежащими им денежными средствами. Устанавливалось, что «Облигации, сберегательные книжки и другие ценные бумаги у кулаков всех 3-х категорий отбираются», «Всякая выдача высылаемым кулацким хозяйствам их вкладов в сберкассах, а также выдача ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации безусловно прекращается», «Воспрещается возврат и выдача облигаций по подписке в рассрочку, а также выдача страховых сумм за пожарные убытки и за падеж скота», «Вклады и паи кулаков всех 3-х категорий в кооперативных объединениях передаются в фонд коллективизации бедноты и батрачества»²¹.

К концу февраля 1930 г. модель раскулачивания, с учетом ряда инструкций и практического опыта в основном сформировалась. После составления списка «кулаков» уполномоченные исполкомов организовывали собрания бедноты, колхозников и общегражданские собрания, которым формально предоставлялось право решать кто «кулак», а кто – нет²², далее персональные списки «кулаков» утверждались президиумом или пленумом сельсовета (эти же органы должны были составить личные карточки и характеристики «кулаков», справки об их хозяйствах), потом тройкой или президиумом райисполкома и, наконец, окрисполкомом. Во второй половине февраля по округам и районам уже были составлены разрядки для выселения по второй и третьей категории, на основании которых тройки райисполкомов проводили свою селекцию, утверждая сначала списки «кулаков» второй категории. Например, в Добрянском районе тройка завершила выселение по второй категории к 23 февраля и начала подготовку материалов на «кулаков» третьей категории²³.

Процедура раскулачивания обычно начиналась еще до вынесения окончательного решения. Как правило, уже на следующий день после принятия решения о раскулачивании собранием бедноты на дом к обреченному крестьянину являлись члены сельсовета в сопровождении милиционера, которые производили обыск и опись имущества. Описанное имущество оставалось на хранении у крестьянина (если глава семьи отсутствовал, то у членов его семьи), расходовать что-либо без особого разрешения запрещалось. Часть имущества могла быть конфискована.

Четвертого февраля 1930 г. появилась секретная инструкция Президиума ЦИК СССР, в которой «в целях решительного подрыва влияния кулачества» и «подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия» ОГПУ предписывалось выселить «кулацкий актив» в отдаленные местности, расселить «остальных кулаков» в пределах района, в котором они проживают на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках (ст. 1). Инструкция предполагала выселение примерно 3–5% от всего числа крестьянских хозяйств (ст. 2). В районах коллективизации, согласно инструкции, у «кулаков» конфисковывались «средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги». Из наличных денег для обустройства на новом месте был установлен лимит «до 500 рублей на семью» (ст. 5).

Несмотря на ряд директив о недопустимости раскулачиваний бедняков и середняков, в действительности раскулачивали и выселяли часто тех, кто даже по выработанным критериям никак не мог быть причислен к «кулакам». Так, в информационном письме Верхне-Камского окружкома ВКП(б) в Уральский обком партии о ходе коллективизации и раскулачивания в округе по состоянию на 27 марта 1930 г. указывалось, что «часто попадали в списки выселяемых такие «кулаки», у которых 8 человек семьи, одна корова, одна лошадь, и платит 8 рублей налога, есть беднее»²⁴.

Для проведения выселения, начавшегося в феврале 1930 г., составлялись порайонные планы, для руководства им были сформированы районные тройки, состоявшие, как правило, из уполномоченного окружкома ВКП(б) и окрисполкома, секретаря РК ВКП(б) и председателя райисполкома. Организацией выселения занимались уполномоченные райисполкомов вместе с председателями и членами сельсоветов, а также участковыми милиционерами, которые в указанное время должны были обеспечить погрузку выселяемых с имуществом на подводы и обеспечить работу комиссий по передаче имущества выселяемых колхозам. Председатели сельсоветов должны были лично, следуя верхом, сопровождать обозы (вместе с возчиками-конвоирами) и «сдавать» выселяемых в месте сбора – как правило, в райцентре²⁵.

В реальности при выселении часто царил неразбериха. Многие местные руководители, запутавшись в многочисленных директивах, не могли четко выполнить предписания по выселению намеченного количества семей. То не были подготовлены документы. То отображенными оказывались те, кто не соответствовал установленным социально-экономическим признакам. То приходи-

лось для отправки выселяемых забирать из колхозов лошадей, поскольку лошади выселяемых ранее уже были конфискованы и переданы в колхоз. То в день отправки выяснялось, что главы выселяемых семей на лесозаготовках, а без них выселять запрещалось. То разгласят секретную информацию о том, кого и когда будут забирать и отправлять. В Чермозском районе дошло до того, что председатель РИК, не сумевший найти кандидатов на выселение, попросил представителя ОГПУ «как-нибудь... подобрать 10 кулаков»²⁶. В то же время в ряде районов выселение прошло организованно, без серьезных эксцессов.

В многочисленных свидетельствах предстают трагические судьбы тысяч крестьянских семей. Поскольку операции по выселению проводились в зимнее время, большинство людей получили простудные заболевания в пути. Дети, старики, женщины умирали, не выдержав тягот высылки и трудностей обживания на новом месте, поскольку людей часто просто выбрасывали в заснеженные болота, в холодные бараки, оставляли без продовольствия и медобслуживания. Так, согласно сводке от 30 января 1930 г. по Верхне-Камскому округу в Соликамск выслано 400 семей «своих» кулаков. Окружком требовал принять 14 тыс. семей иногородних кулаков и еще разместить 37 тыс. На местах же готовы были принять только 2 тыс. семей. Медпункт вмещал всего 40 коек²⁷.

В марте 1930 г., в связи с угрожающим нарастанием крестьянского недовольства, политика коллективизации частично претерпевает изменения, начался новый этап сплошной коллективизации.

Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозной движении» от 14 марта 1930 г. ориентировало все парторганизации на строгое соблюдение принципа добровольности в колхозном строительстве, требовало прекратить принудительное обобществление жилых построек, мелкого скота, птицы, покончить с раскулачиваниями середняков, членов семей сельских учителей, военнослужащих, бывших красных партизан и т.д. Эти ориентиры легли в основу директив региональных и местных властей по ограничению административного произвола²⁸.

Более внимательным стало отношение руководителей региональных органов власти (областных и окружных) к определению подлежащих раскулачиванию. При окрисполкомах заработали комиссии, рассматривающие материалы на «кулаков» второй и третьей категории. Важнейшим ориентиром для них становится размер уплачиваемого сельхозналога. Например, в марте 1930 г. комиссия Пермского окрисполкома, рассмотрев около 160 дел крестьян, планируемых для выселения по третьей категории, приняла положительное решение только по 51. Остальные были отклонены «как не подпадающие под признаки кулацких хозяйств» на том основании, что эти хозяйства платили сельхозналог в размере 30, 23 или даже 3,78 руб.²⁹

Согласно официальным директивам, меры грубого насилия должны были уступить место политической агитации, обещаниям льгот и помощи колхозам, при усилении налогового давления на единоличников. Однако решающую роль в колхозном строительстве продолжали играть принудительные меры. С одной стороны, усилилось налоговое давление на единоличников, они получили повышенные задания по хлебозаготовкам. С другой стороны, и на новом этапе продолжались раскулачивания, по несколько измененной модели, с меньшей долей стихийности.

В итоге при разнарядке Уралобкома на раскулачивание 900 хозяйств, только в Пермском округе к лету 1930 г. лишили имущества и выслали 3325 человек. В целом по Уралу за первое полугодие 1930 г. было подвергнуто раскулачиванию до 30 тыс. семей, выслано за год 13855 семей [Иванова, 1998, с. 54; Плотников, 1993, с. 159].

Аналогичные процессы происходили по всей стране, обнаруживая местную специфику [Трагедия..., 2000; Ивницкий, 1996; Плотников, 1993 и др.]. Политическое руководство страны во главе с И. В. Сталиным контролировало процесс социальных преобразований на селе в целом, довольно часто провоцируя инициативу местных властей с последующей коррекцией курса различными директивами.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Пермского края (далее – ПермГАНИ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 362. Л. 20.

² ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 2–3.

³ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. р-148. Оп. 5. Д. 24. Л. 2–4.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 3–4.

⁵ Там же. Л. 4–5.

⁶ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. р-314. Оп. 1. Д. 5. Л. 26, 192, 42; Ф. р-176. Оп. 4.

Д. 11. Л. 9, 11, 314, 318, 331, 332.

⁷ ГАПК. Ф. р-608. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4 об.

⁸ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 164; Д. 131. Л. 45–45 об.

⁹ Там же. Д. 124. Л. 112–115.

¹⁰ Там же. Л. 34, 34 об.

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² Там же. Д. 18. Л. 154; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 302–303.

¹³ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 109–115.

¹⁴ Там же. Л. 50.

¹⁵ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 112–115.

¹⁶ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 404. Л. 261 об.

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 112–115.

¹⁸ Там же. Д. 18. Л. 184–185 об.

¹⁹ Установки бюро Уралобкома ВКП(б) относительно количества выселяемых семей и округов в этом документе не полностью совпадают с установками бюро, зафиксированными в протоколе заседания бюро Уралобкома ВКП(б) от 31 января 1930 г. В этом протоколе общее количество выселяемых – 15200; при этом для Верхне-Камского округа дается разрядка по выселению 200 семей, для Коми-Пермяцкого – 100 семей. // ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 90–91.

²⁰ ПермГАНИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 276. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 25–26.

²² Проведение всех трех типов собраний требовалось, согласно инструкциям. Во всяком случае, постановления этих собраний требовались для оформления выселений. Однако при рассмотрении комплекса отложившихся в архивах документов возникают сомнения в том, что все эти собрания проводились и при проведении их был необходимый кворум.

²³ ГАПК. Ф. р-608. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–109.

²⁴ ПермГАНИ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 276. Л. 68.

²⁵ ГАПК. Ф. р-302. Оп. 3. Д. 50. Л. 1–3.

²⁶ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 149–155.

²⁷ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 18. Л. 20, 276.

²⁸ Там же. Д. 276. Л. 59–59 об.

²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 124. Л. 55–57.

Библиографический список

Бедель А. Э., Славко Т. И. Из истории раскулаченных спецпереселенцев на Урале в первой половине 30-х гг. // Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док. Екатеринбург, 1993.

Иванова М. А. «Великий перелом». Коллективизация: цели и результаты (по материалам Урала и Прикамья) // Ретроспектива. 2010. № 3.

Иванова М. А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край: документы и материалы. Т. 1. Пермь, 2008.

Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отеч. история. 1993. № 4.

Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: сб. док. и материалов. Пермь, 2004.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. // Ист. архив. 1994. № 4.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док. Екатеринбург, 1993.

Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930–1936. М., 1995.

Собрание законов (СЗ). 1930. № 9.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и матер.: в 5 т. М., 2000. Т. 2.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.08.2011